

К Дню памяти и скорби

Архип Колузаев

Лагерь, в котором долгое время находился Архип Колузаев

«Хамельбург» — один из крупнейших международных лагерей для пленных офицеров на севере Баварии

Наибольшее число советских военнослужащих попали в плен именно в первый год войны, конец лета 1941 года

Точная цифра пленных не известна до сих пор – от четырёх до шести миллионов человек – и, как утверждают некоторые исследователи, вряд ли будет известна когда-либо. Установлено, что из фашистского плена вернулись 1836562 человека. Их судьба сложилась по-разному: один миллион был отправлен для дальнейшего прохождения военной службы, 600 тысяч – для работы в промышленности, более 200 тысяч – в лагеря НКВД, как скомпрометировавшие себя в плену.

Магнитогорец Архип Дмитриевич Колузаев был одним из тех, кому посчастливилось вернуться из плена живым. По свидетельству людей, находившихся с ним в так называемом офлаге, где содержали офицеров, Колузаев даже в самые страшные минуты вёл себя достойно и чести советского офицера не запятнал.

– Мой отец родился в 1909 году в деревне Старое Сумароково Татарской ССР в многодетной крестьянской семье, – рассказывает сын Архипа Колузаева Евгений. – Учился в школе в соседнем селе, был секретарём ВЛКСМ, членом бюро Бугульминского волостного комитета и уполномоченным по хлебозаготовкам и посевной кампании, после окончания школы, в 16 лет был избран секретарём сельсовета. В 21 год стал председателем колхоза «Завет Ильича».

В декабре 1932 года Архипа Колузаева призвали в ряды РККА и отправили в Читу, в Уральский артиллерийский полк, который входил в состав Особой Краснознамённой Дальневосточной армии под командованием Василия Блюхера. Однажды расчёт, которым руководил Архип Колузаев, отличился во время полевых учений. Благодарность за отличную службу бойцы получили лично от знаменитого командарма. Через год Колузаева направили на учёбу в Ленинградское артиллерийское училище.

– Так отец стал кадровым офицером, – вспоминает Евгений Колузаев. – Во время очередного отпуска в доме родителей он познакомился с молодой учительницей Тоней Фёдоровой, моей мамой. Они поженились и уехали в Саратов, к месту службы отца. В сентябре 1939 года полк, в котором служил отец, принял участие в освобождении Западной Белоруссии, а в декабре его отправили на Карельский перешеек, где началась война с Финляндией. Отец к тому времени был начальником штаба

Три войны Архипа Колузаева

В годы Великой Отечественной войны испытанию пленом – физическому, нравственному, психологическому – подверглись миллионы советских солдат

дивизиона тяжёлой артиллерии. После финской кампании полк был передислоцирован в город Белосток, на территорию Польши. 22 июня 1941 года отец встретил на артополигоне Червоный бор, где полк проходил учения. В первые же часы войны большинство гаубиц были уничтожены непрерывными бомбёжками. Во время боя на станции Валилы полк, в котором служил отец, был полностью разбит. Бросая орудия без снарядов, автомашины без топлива, войска отступали на восток. Четвёртого июля при переправе через Неман отец попал в плен.

Трагедия 1941 года

Историки утверждают, что наибольшее число советских военнослужащих попали в плен именно в первый год войны. Причина – неготовность армии к современным высокоманевренным военным действиям. Это привело к тому, что уже к середине июля 1941 года из 170 советских дивизий, находившихся в приграничных военных округах, 28 оказались в окружении, 70 были фактически разгромлены.

В советской литературе нередко говорилось, что противник якобы завышал количество пленных, но детальное изучение немецкой статистики этого не подтверждает. Напротив, встречаются факты, когда немцы умышленно занижали их численность, чтобы приуменьшить масштабы геноцида. Так в декабре 1941 года количество советских военнопленных было сокращено с 3,8 до 3,3 миллиона человек. Из общих списков исключили уничтоженных вскоре после пленения комиссаров, политруков, евреев и тех, кто умер или был расстрелян по дороге. То есть 3,3 миллиона человек – это та часть наших военнопленных, которую за первые полгода войны довели до лагерей живыми и там зарегистрировали.

– Отец вспоминал, что пленных согнали в церковь, – рассказывает Евгений Архипович. – Дней через десять огромной колонной погнали в местечко Столбцы, а затем на железнодорожную станцию Него-

релое для отправки в Германию.

К концу 1941 года в Германии выявилась огромная потребность в рабочей силе, главным образом – в военной промышленности. Дефицит решили восполнить за счёт советских военнопленных. Эта ситуация спасла многих советских солдат и офицеров от уничтожения. По мнению немецких историков, советские пленные составляли «важнейшую и прибыльную рабочую силу», доход в государственную казну, полученный в результате их труда, исчислялся сотнями миллионов марок.

– В Польше в одном из пересыльных лагерей отец находился вместе с генералом Карбышевым, который впоследствии был зверски замучен фашистами, – вспоминает Евгений Колузаев. – Долгое время отец находился в лагере «Шталаг 325», а после его расформирования попал в «Хамельбург» – один из крупнейших международных лагерей для пленных офицеров на севере Баварии. Лагерь был разделён на девять блоков, из них три – русские. В остальных содержали английских, канадских и американских пленных офицеров.

– По мере того как наши войска продвигались в глубь Германии, пленных перегоняли в сторону Австрии, – отмечает Евгений Архипович. – Так отец оказался в Нюрнберге. Англичане постоянно бомбили город и пленных использовали для разбора завалов. В апреле 1945 года группа, в которой был и мой отец, работала на станции. Внезапно их под охраной эсэсовцев и чехов в спешном порядке погнали в сторону Аугсбурга, где располагался лагерь смерти «Дахау». По дороге колонну пленных бомбили и обстреливали. Во время очередного налёта охрана разбежалась, и пленные остались одни. Через некоторое время они вышли на союзников – американцев.

Казалось бы – самое страшное позади. Но тех, кто пережил ужасы немецкого плена, ждало нелёгкое испытание на родине. Специальной директивой Сталина в конце 1941 года были созданы особые фильтрационно-проверочные ла-

герь, в которых помещали бывших военнопленных.

– Сначала отца отправили в концентрационный лагерь близ Моосбурга, где содержалось более восьмидесяти тысяч пленных, – рассказывает Евгений Колузаев. – Почти месяц среди пленных велась агитация за иммиграцию на Запад. В конце мая большую группу наших военнопленных передали советским властям. И началось «путешествие» по пересыльным лагерям: Нюрнберг – Плауонец – Хёмниц – Радерберг – Баутцен. Лишь в начале сентября военнопленных отправили на советскую территорию, в Козельск, в распоряжение СМЕРШа. Там тщательно проверяли документацию на каждого пленного и проводили перекрёстные допросы. В ноябре отцу подтвердили звание и уволили в запас.

Мирная жизнь

В это время жена Архипа Дмитриевича с сыном Колей жила в городе Рыбинске, у сестры. В последний раз она видела мужа в июне 1941 года в местечке Пески, где жили офицерские семьи. Ему удалось вырваться туда для организации доставки снарядов на передовую. Их встреча была недолгой. Командование артополка в спешке организовало эвакуацию женщин, детей и стариков на восток. По дороге Антонина, которая в тот момент была беременна, попала под бомбёжку и получила травму ноги. На попутках через Харьков ей удалось добраться до Бугульмы, где она поселилась у родителей мужа. Там она родила второго сына, но через некоторое время он заболел и умер. Несколько лет Антонина пыталась узнать хоть что-нибудь о судьбе мужа, но получила лишь извещение о том, что он пропал без вести.

– В декабре 1945 года отец разыскал семью, – рассказывает Евгений Архипович. – Как бывшему военнопленному ему предписывалось встать на учёт по месту жительства. Так началась мирная жизнь. Несмотря на запрет, старший брат – сотрудник НКВД – организовал

ему спецпропуск, по которому отец смог переехать в Магнитогорск и устроиться кладовщиком на завод горного оборудования. Получил две комнаты в бараке № 25 в Центральном спецпосёлке, куда летом 1946 года перевёз семью. Держали корову, кур, сажали картошку, обрабатывали огород. Мама работала учителем в начальной школе № 28, там же в посёлке. Через некоторое время на свет появился я.

До 50-х годов тема советских военнопленных считалась закрытой. Об этом старались не говорить даже в кругу семьи. Поэтому Евгений далеко не сразу узнал о том, через что пришлось пройти отцу в годы войны. В память о тех временах он хранил нож, бритву и котелок, который пленный французский офицер расписал сказочными картинками. О плене Архип Дмитриевич говорил редко и скупко. И даже спустя десятилетия воспоминания о тех днях вызвали слёзы. Большую часть отцовской истории Евгений восстановил по документам, среди которых – автобиография, результаты многочисленных проверок НКВД, характеристики от людей, с которыми Архип Колузаев находился в плену, и многолетняя переписка с бывшими военнопленными.

В 1956 году ЦК партии и Совет Министров СССР приняли постановление «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении военнопленных и их семей». После пересмотра дел многие бывшие военнопленные были полностью реабилитированы. Их восстановили в званиях, вернули награды, стали выплачивать пенсии.

– Отца реабилитировали в 1956 году, – вспоминает Евгений Архипович. – Он хорошо работал, вёл активную общественную деятельность, проводил начальную военную подготовку молодёжи, участвовал в профсоюзной работе. Но главной его отдушиной стал сад. Там он отдыхал душой.

Лишь через 50 лет после Великой Отечественной войны, в январе 1995 года, Борис Ельцин подписал указ, по которому бывшие военнопленные – те, кто дожил, – получили статус участника Великой Отечественной войны. Архипа Колузаева к тому времени уже не было в живых.

– Отец был настоящим патриотом своей Родины, – считает Евгений Архипович. – Война надломила его, но не сломала. Он до последних дней оставался трудолюбивым, скромным человеком, который никогда не жаловался и не пасовал перед трудностями. Память о нём живёт в его детях, внуках и правнуках.

✍ Елена Брызгалина